

Не знаю почему, но, думая о заслуженном артисте республики, лауреате премии Ленинского комсомола Литвы Владасе Багдонасе... о его ролях в Молодежном театре, в кино и на телевидении, вспоминаю хорошие стихи. Думается, это закономерно — искусство настоящего актера, как и режиссера, так же мало объяснимо, как истинная поэзия. И то, и другое мы «принимаем» или «отвергаем» — интуицией, подсознанием, сердцем, мозгом, нервами, даже кожей. Понравившийся спектакль, удивительная роль актера и через десять, двадцать лет возвращаются к тебе — своими интонациями, подтекстом, оттенками и нюансами.

Нежданно-негаданно после спектаклей Е. Некрошюса вдруг вспоминается В. Маяковский — «а вы ноктюрн сыграть смогли бы на флейтах водосточных труб...». Станные это ассоциации, и мало что они объясняют. Пожалуй, лишь помогают понять невидимую сторону айсберга искусства, проникнуть в самые его недра.

Можно сегодня перелистывать свои старые записки и рецензии, но трудно восстановить в памяти, что и как В. Багдонас играл в начале своей «карьеры». А было это еще полтора десятилетия назад, ведь Владас — выпускник последнего курса Юозаса Рудзиньскаса. С точки зрения молодых критиков и молодых актеров Молодежного театра он уже «старик». Когда видишь абсолютное слияние актера с ролью, да еще остающееся при этом огромное пространство для самого артиста, для его неповторимого «я», когда видишь его героев, не просто отретированных, сделанных заранее, а каждый раз заново переживающих муку или радость (наверное, поэтому я видел десятки два разных Пирсомани, Жаренасов, Меркуцио В. Багдонаса), — понимаешь, что совершенно напрасно мы забываем о том, что несут с собой на сцену наши лучшие «старики». И не только талантом (талант или есть, или его нет), но и осознанием своей миссии — служить искусству и театру — этическим максимализмом. Наверное, поэтому мы замечаем «стариков», Молодежного театра даже в массовках В спектакле «И дольше века длится день» В. Багдонас и другие, изображающие части тела верблюда Каранара или толпу, играют, а не отбывают положенное время на сцене.

Пожалуй, следует поговорить о проблемах этики в театре, так как эти вопросы, как мне думается, постепенно исчезают из нашего театра, девальвируются. Театр девальвируется как коллективное искусство, создаваемое сегодня, здесь, в данную минуту, всем существом и преданностью актера. Слишком уж часто мы стали сталкиваться с искусством деклараций, мизерных самовыражений, с актерским формальным отбыванием определенного числа часов на сцене. В Багдонасе (не говоря уже о его таланте, уникальности героев, собственной теме в искусстве) выделяется на фоне такого театра. Своим служением театральному искусству,

ми надеждами и воспоминаниями, ролями в кино, на телевидении, радио. В. Багдонаса же не коснулись штормы и штиты театральной жизни, чередование симпатий и антипатий, творческих планов и их реализации).

Или взять хотя бы грубоватого и трям-линейного деревенского парня с угловатой неотшлифованной душой, антипатичного и симпатичного одновременно — Альдаса в «Огне за пазухой» Г. Кановича... Или Марк в «Ужине на пятерых» Э. Гетемаа, страдающий, сдержанный, загнанный внутрь и охраняющий там свое страдание и свою надежду. Это роли молодого, лишь два года назад закончившего учебу, еще «зелено-

вароза». Но не об объеме реплик, не о несовершенстве или «незаконченности» характеров (как зачастую сдержанно характеризуют мы аморфные роли) заботится В. Багдонас. Этот актер на сцене не бывает ни судьей, ни адвокатом, ни прокурором. Он — эксперт. Он рассказывает все, что сумел узнать о «таком молодом, но уже — Жаренасе»; и о «своем человеке» дяде Коле, и о молодом (но уже успевшем познать мир, из которого пора уйти) Меркуцио, и о Пирсомани, желающем объединить рассеянных по свету несчастных, голодных, жаждущих... А зритель — пусть он плачет и смеется, осуждает или оправдывает...

Известно, что древнегреческий драматург Фриних был подвергнут наказанию за то, что в одной из его трагедий людские несчастья были изображены так реально, естественно, что зрители не могли удержаться от слез и стонов. Фриниха упрекали за то, что в его искусстве не было катарсиса — была лишь мастерская эксплуатация человеческой чувствительности, сочувствия. В. Багдонас в своих наиболее трагических ролях ищет прежде всего ту точку, ту вершину, с которой видится не только индивидуальная, конкретная судьба, не только исключительное театральное переживание, но прежде всего та общность, поняв и раскрыв которую, и актер, и зритель через трагическое переживание приходят к празднику души, к катарсису, к духовному очищению. Таков Пирсомани — художник, который может быть и живописцем, и музыкантом, и поэтом, может быть и грузином, и литовцем, и французом, и русским — человек, взваливший на свои плечи бремя страстей человеческих, ставший своеобразной жертвой искупления (из головы не выходит посаженный на весы мертвый Никко, с Церконой в одной руке и посохом странника в другой, выбеленный мукой, увозимый в вечность).

Кажется, что В. Багдонас одновременно привносит с собой на сцену и «что», и «как». Это — примета мастера. Каждая его роль, имеющая свою тему и ее вариации, проблему и идею, всегда конкретную по своему содержанию и измерениям, приобретает и свою неповторимую форму. Вспомним походку Рамялиса, потусторонний взгляд Пирсомани, его жесты, куляцию, иронически печальную улыбку Меркуцио, «кокетливость» Вандалина... Актер рисует не «лица», а их «выражение», и это, пожалуй, самое главное. Мне кажется, что Владас на сцену всегда приходит с творческой радостью, ибо каждый спектакль, каждая роль для него — словно поездка в неизвестное. И тогда — из преодоления этой неизвестности, из познания, из возможности заговорить со сцены о том, что для тебя и других — еще тайна, но вот-вот, как только в зале погаснет свет, станет объектом разгадки, — из всего этого рождаются всякий раз новые импровизации о человеке и его судьбе, о смысле жизни, о подлинных и мнимых ценностях.

Владас Багдонас для меня — из немногочисленной когорты подлинных интеллектуалов, не из тех эрудитов, которые легко цитируют все, что сегодня модно, но из тех, чьи мысли о человеке и о человеческом искусстве основаны на знании, идут от знаний (они — в книгах) к знанию (оно только в тебе). Он из тех, кто умеет высказать это со сцены, с той трибуны, с которой можно сказать людям много хорошего. Вместо поверхностной эрудиции или пустой парадоксальности — глубокое понимание, чувство человека, понимание того, что человек — часть человечества. В искусстве В. Багдонаса — много гуманности, демократизма, поэзии и сердечности. А это — основа высшего мастерства, на котором возможно строить дворец любой красоты.

Э. ЯНСОНАС.

Фото А. Жижюнаса.

Лауреаты премии комсомола Литвы

ПРИМЕТА МАСТЕРА

чувством долга, этическим максимализмом, своей простой порядочностью, человечностью, обывковенной добросовестностью, внутренней интеллигентностью. Словом, тем, чем обычно чаруют нас ветераны театра. Но может быть, это приходит с опытом? В таком случае Владас намного опередил некоторых своих коллег. Я убежден, что, забывая о вопросах этики, часто забывают и о самом театре — как искусстве. А опираясь на них, мы легче понимаем и некоторые чисто профессиональные вещи — сложность, внутренний драматизм «отрицательных» персонажей В. Багдонаса (Пятраса Жаренаса в «Ясоне», дяди Коля — «А все-таки она вертится...», Рамялиса в «Кошке за дверью»).

Мы привыкли к тому, что с первых ролей и первых спектаклей хорошие актеры и режиссеры растут и совершенствуются (этим они и отличаются от плохих). Но для меня В. Багдонас — из тех талантов, которые пришли в искусство сложившимися мастерами. Их спектакли, их роли — лишь новые грани одного драгоценного камня. (Именно так когда-то раскрылся талант режиссера П. Гайдиса: нельзя было сказать, что между «Зерном риса» и «На дне» был долгий путь восхождения на вершину). А Владас Багдонас — чем созданные им десять лет назад роли слабее сегодняшних?

Вспомним Рокаса в спектакле «Гоголиный змей...». (Здесь Владас играл вместе с теперь редко появляющимися на сцене Г. Гирдвайнисом, Ф. Якшишом, С. Сипайтисом, Р. Буткявичюсом. С актерами, преждевременно ушедшими «в запас», живущи-

го» В. Багдонаса. Но в них не было некой восхитительной инфантильности — творческой и человеческой, которая долго наблюдается в творчестве других наших молодых актеров, не было почти нулевого самовыражения, которое для многих на долгое время становится альфой и омегой творчества.

На сцене мы видели созревшего артиста и человека, чувствующего и понимающего других, ищущего то, что выделяет его персонажа из других «действующих лиц исполнителей», ищущего суть и смысл образа, поступки, мысли, мотивации, связи с другими людьми, идеалы и устремления... Первые спектакли, в которых Владас участвовал с такими мастерами, как «старики» Молодежного театра, без сомнения, стали в подлинном смысле продолжением его учебы. Но уже тогда актер, по-моему, искал не прототипы для своих героев, не их «сходство с жизнью», а стерлась расширить и свое, и наше, зрительское, знание человека. Пытался найти те существенные черты, которые составляют неповторимый, индивидуальный мир каждого человека. Возможно, лишь позднее в прокатившем Вандалине (спектакль «Учитель танцев») мы увидим в роли В. Багдонаса где-то когда-то виденный прототип, какой-то дружеский шарж, но только и всего...

Были ли простые роли в биографии В. Багдонаса? Не знаю, не видел... А скромные в драматургическом смысле работы? Были (например, Спартаковец в «Улице Комму-